

Едва на мой духовный счёт капнули заслуги за спасение похищенных детей, наставник обнадёжил: шансы сохранить мою хрупкую жизнь заметно выросли.

Судите сами. Все ребятишки, которых я вырвал из рук торговцев живым товаром, обладали завидной судьбой. В будущем им предназначено было занять высокие посты, нажить приличное состояние или прославиться великими благодеяниями. За спасение таких душ изначально полагалась щедрая награда, а поскольку я родился праведником в девятом воплощении, любые накопленные мною кармические заслуги удваивались. Сложив всё это, я обнаружил, что практически выполнил годовой план нашего чертога.

Бессмертные покровители Северо-Востока, сходящие с гор в мир людей ради свершения добрых дел и основания чертогов, подчиняются строгим небесным квотам. Это напоминает устройство крупной корпорации: совет директоров ежегодно спускает филиалам план продаж. Выполнишь — получишь премию. Провалишь — наказывать, может, и не станут, но если дела из раза в раз идут из рук вон плохо, финансирование и поддержку быстро урежут в пользу более успешных подразделений.

Одно дело, когда ты три года подряд держишься в лидерах продаж, и совсем другое — когда висишь мёртвым грузом. Естественно, отношение высшего руководства к тебе будет соответствующим. Да и среди коллег по шаманскому ремеслу авторитет зависит исключительно от силы и хватки: успешных уважают и боятся, а аутсайдеров попросту мешают с грязью.

В первый год после основания чертога духам и шаману дают время притереться друг к другу, поэтому заданий сверху не спускают. Но со второго года начинается настоящая пахота — приходится регулярно выходить на шаманскую тропу.

На дворе стоял только апрель, а я уже почти закрыл годовой норматив. Наставник пообещал: как только мы официально завершим план, он сразу же доложит наверх о моих особых обстоятельствах. Тогда за мою шкуру можно будет не беспокоиться.

Дело тут вот в чём: моя ситуация была из ряда вон выходящей. Если праведник в девятом воплощении внезапно «экстерном» вознесётся в Небесные чертоги из-за преждевременной кончины, наверху неизбежно поднимется переполох и начнётся служебное расследование. А уж какие скелеты вытащат из шкафов небесные ревизоры — одному богу известно. Но хуже всего другое: если я от обиды на несправедливую смерть озлоблюсь и вместо того, чтобы стать смиренным божеством процветания и долголетия, перерожусь в какую-нибудь мстительную тварь, то полетят головы у всех причастных. И моим духам-покровителям, и курирующим наш мир небесным чиновникам мало не покажется — всех призовут к ответу.

Единственный выход — дожидаться конца года, когда Второй наставник отправится на Небеса с ежегодным отчётом, и через надёжные каналы передать прошение какому-нибудь влиятельному сановнику. Тогда Небесная канцелярия наверняка пересмотрит моё дело и скорректирует судьбу, лишь бы не плодить обиду в моей душе. При таком раскладе мне гарантированно позволят дожить свой век и умереть мирно, в глубокой старости.

Поговаривали, что досрочно закрыть годовой план не удавалось ни одному приходу уже много лет. Если у нас всё выгорит, я не просто спасу собственную шкуру — слава о нашем чертоге прогремит по всей стране, от края до края.

Впрочем, забивать себе голову высокими материями сейчас не стоило. Моей главной насущной заботой оставалось банальное выживание — а именно, сохранение рабочего места в баре.

Учёба на художественном отделении — удовольствие чертовски дорогое, а просить денег у отца мне не позволяла гордость. Вот и приходилось зубами цепляться за скромную должность официанта.

К счастью, наш хозяин, босс Хао, отнёсся к моим бесконечным отгулам с пониманием и увольнять не стал. Но стоило мне ударно взяться за работу, лелея мечту скопить за лето на приличный подержанный ноутбук, как в нашем баре стряслась беда.

Трагедия, если вкратце. Молодая девчонка, певица Су Юэюэ, подрабатывавшая у нас по вечерам, закончила смену и вышла на улицу. Какой-то подонок решил её ограбить и поглумиться. Но мерзавцу этого показалось мало: он зашёл слишком далеко и хладнокровно задушил её голыми руками.

Труп он бросил прямо в глухом переулке за баром. Наткнулся на него лишь утром дворник, вышедший убирать улицу, — иначе тело так и лежало бы там на всеобщем обозрении.

Из-за жестокого убийства заведение тут же оцепила полиция. Повсюду натянули жёлтые ленты, а на место происшествия стянули чуть ли не три десятка оперативников.

Несколько дней бар простаивал без дела. Босс Хао надеялся, что полиция закончит осмотр, снимет оцепление и жизнь вернётся в прежнее русло. Ленты действительно вскоре убрали, но спокойные дни на этом закончились. С того самого момента в баре каждую ночь начала происходить какая-то чертовщина. То посетитель поскользнется на ровном месте и расшибёт лоб, то у кого-то кошелек пропадёт. Одному бедолаге повезло ещё меньше: стоило ему переступить порог заведения, как его на полной скорости сбила машина. Парень на целую неделю загремел в травматологию.

Поползли слухи, что место проклято. Люди у нас суеверные, так что поток клиентов быстро иссяк. На нашей улице работало ещё несколько питейных заведений, и народ без лишних раздумий ушёл к конкурентам. Гостям-то всё равно, где выпивать, а вот для нас и особенно для босса Хао это обернулось настоящей катастрофой.

— Слушай, Хао-гэ, может, скинемся всем миром да купим Су Юэюэ каких-нибудь ритуальных вещей, чтобы сжечь? — предложил Чэн Цянь. — Всё-таки вместе работали, надо бы помянуть девчонку, проявить уважение.

Чэн Цянь был у нас старожилом. Совсем недавно его повысили до администратора, так что

теперь он являлся моим непосредственным начальником.

Идея казалась здоровой, но я прекрасно понимал: подобные подношения мёртвым не помогут. Су Юэюэ приняла лютую, насильственную смерть, пережив перед концом настоящий кошмар. Пока убийцу не найдут и он не понесёт заслуженного наказания, её неприкаянная душа не обретёт покой и не покинет этот мир.

Один вопрос не давал мне покоя: почему её гнев обрушился на ни в чём не повинных посетителей бара? Если бы убийцей был кто-то из клиентов, её месть была бы избирательной, но несчастья сыпались на всех подряд, без разбора. Это совершенно не вязалось с логикой призраков.

— Как по мне, надо позвать какого-нибудь знающего человека, — робко подала голос наш бухгалтер, Цао Цзяцзя. — У меня в деревне есть один мастер, судьбы предсказывает и порчу снимает, силища невероятная!

Цзяцзя приехала из глухой провинции, поступила в местный вуз и, как и я, подрабатывала здесь в свободное от учёбы время, чтобы хоть как-то сводить концы с концами.

— Твою ж мать! — в сердцах сплюнул босс Хао. — Стоило мне завязать с криминалом и зажить как честный человек, так теперь даже покойники вытирают об меня ноги!

Его можно было понять. В ту роковую ночь, когда убили Су Юэюэ, смена давно закончилась, и в баре никого не оставалось. Девчонка просто забыла какую-то мелочь, вернулась, забрала её и наткнулась на маньяка уже на улице. С юридической точки зрения заведение вообще было ни при чём.

— Ладно, — босс Хао устало потёр переносицу. — Объявляю внеплановые каникулы с сохранением зарплаты. Посидите пока дома, а я поищу толкового специалиста, пусть разберётся с этой чертовщиной.

Хао всегда отличался крутым нравом и решительностью: если уж задумал позвать шамана или даоса, то тянуть резину не станет.

Услышав про оплачиваемый отпуск, все повеселели. Мы наперебой принялись заверять босса, что всё образуется, и наговаривать дежурные слова утешения в духе «прорвёмся» и «не вешайте нос, шеф».

В тот же день на дверях заведения появилась табличка «Закрыто на реконструкцию». На ходу состряпали объявление, обещавшее грандиозную вечеринку в честь грядущего открытия с подарками для любимых клиентов.

Вернувшись домой, я долго не мог успокоиться. Какое-то недоброе предчувствие скребло душу. Не выдержав, я призвал сестру Бай и двоих Чистых ветров, после чего тайком направился обратно к бару, прямиком в тот злосчастный тёмный переулок.

На часах было около одиннадцати вечера. Узкий проход тонул в глухой, непроглядной тьме, не разгоняемой ни единым фонарём. К счастью, благодаря упорным тренировкам моё Небесное око работало безупречно, позволяя различать малейшие детали даже в такой крошечной мгле.

В самой глубине переулочка, как раз на том месте, где её настигла смерть, неподвижно стояла Су Юэюэ. На ней была всё та же короткая кожаная юбка, в которой она выступала на сцене. Стекланный, лишённый жизни взор призрака был устремлён в пустоту, а по бледным щекам медленно катились кровавые слёзы. Моё сердце сжалось от нехорошего предчувствия: ещё немного, и её душа окончательно переродится в свирепого призрака.

— Су... Су Юэюэ? — окликнул я её, предусмотрительно застыв в нескольких шагах от неё.

Призрак медленно повернул голову. Мутные глаза сфокусировались на мне. Она наклонила голову набок, сясь воскресить в утешающем разуме обрывки воспоминаний, и хрипло выдохнула:

— Чжоу... Да... Чуань...

Уже лучше. Раз она помнит моё имя, значит, рассудок потерян не полностью, и с ней ещё можно договориться.

— Да, это я, — мягко ответил я. — Ты все эти дни торчишь здесь, у бара?

— Мне... мне нужно найти одного человека... — прошептала она.

Но стоило ей произнести эти слова, как в её призрачной памяти вспыхнул какой-то триггер. Всё её естество вмиг переменялось. Растерянная, жалкая тень исчезла, уступив место разъярённой бестии, жаждущей плоти и крови.

— Да побойся бога, сестрица! — всплеснул я руками, стараясь урезонить буйный дух. — Ты караулишь этот переулок больше недели. Из-за твоих проделок люди то калечатся, то лишаются нажитого. Бар закрыли! Если ты продолжишь торчать здесь, то своего убийцу точно не встретишь — сюда теперь никто и близко не подойдёт!

Сам я, разумеется, страха не испытывал. Моя душа, сияющая чистейшим светом накопленной за девять безгрешных жизней благодати, служила мне надёжным щитом. Любая нечисть, рискнувшая напасть на меня, подписала бы себе смертный приговор.

Суть в том, что аура святости выжигает скверну на корню. Для неуспокоенных духов тёмная,

полная злобы энергия — это единственный источник существования в земном мире. Стоит им соприкоснуться с моим светом, как эта подпитывающая их сила мгновенно испарится, обрекая несчастных на окончательное и бесповоротное развешение.

Я стоял смирно, не делая попыток уклониться. Су Юэюэ с диким воплем ринулась на меня. Но едва она приблизилась к невидимой границе моего сияния, как её полупрозрачное тело вспыхнуло призрачным огнём. Раздался истошный визг. Руки бестии задымились, стремительно тая в воздухе и теряя очертания.

Резкая боль, казалось, окончательно лишила её остатков разума. Потеряв над собой контроль, она с утроенной яростью бросилась на меня. Со стороны могло показаться, будто я и есть её мучитель — обидно, честное слово, ведь я пытался помочь!

Быстро сплетя пальцы в очищающее заклятие, я наложил печать и мягко толкнул её ладонью в грудь, вливая толику успокаивающей энергии, чтобы привести в чувство.

Огонь вокруг неё угас. Су Юэюэ покачнулась и отступила. Её взгляд, устремлённый на меня, сделался сложным коктейлем из животной злобы и непреодолимого, глубокого страха.

— Кто он? — спросил я, заглядывая в её окровавленное лицо. — Хоть что-то помнишь? Если у тебя остался его образ, я смогу выхлопотать для тебя специальную подорожную у Судьи преисподней. Получишь официальное разрешение на месть — выследишь ублюдка, лично свершишь правосудие, а после со спокойной душой отправишься на перерождение.

Подобные разрешения — великая милость для невинно убиенных душ. Терзаемые жадой возмездия, они не могут переродиться, а в Преисподней от таких буйных покойников одни неприятности. Если у шамана имеются нужные связи в подземной канцелярии, он может выпросить у Судьи особый указ. С этой грамотой мстительный дух возвращается в мир живых, законно карает своего палача, закрывая кармический долг, и со спокойным сердцем уходит на покой.

Для меня, с моим уникальным положением, раздобыть такую бумагу труда бы не составило. Проблема крылась в другом. Су Юэюэ в ответ лишь растерянно замотала головой — она совершенно не помнила лица своего убийцы.

У меня в голове это не укладывалось. Как можно забыть тварь, которая лишила тебя жизни? Это же самое яркое и ужасное воспоминание!

— Слушай, — вздохнул я. — Давай-ка ты пойдёшь со мной. Поживёшь пока у меня, а я подниму каналы и выясню, что к чему.

Оставлять её в переулке было верхом безрассудства. Сейчас её пакости ограничивались мелкими неурядицами для живых, но если процесс перерождения завершится и она превратится в полноценного свирепого призрака, прольётся кровь. Раз уж судьба столкнула

нас нос к носу, я не имел морального права пройти мимо.

Я развернулся и сделал шаг к выходу из прохода, однако шагов за спиной не услышал. Хотел было оглянуться и прикрикнуть на упрямицу, но прохладная ладонь сестры Бай мягко опустилась на моё плечо.

— Дачуань, постой, — тихо шепнула она. — Предоставь ей выбор. Если пожелает пойти за тобой — помоги, а коли заупрямится — не неволь. Наш приход копит добрые дела по строгим законам. Навязывать помощь тому, кто о ней не просит — значит идти наперекор воле Небес и нарушать древние шаманские правила.

Честно говоря, плевать я хотел на эти условности и каноны. Су Юэюэ была моей коллегой, славной девчонкой, и мне по-человечески хотелось вырвать её из этого ада, обеспечив достойный финал её земной трагедии.

С другой стороны, доводы сестры Бай были не лишены здравого смысла. Нельзя насильно тащить кого-то к спасению. Если объект твоей заботы начнёт брыкаться и противиться, вместо доброго дела ты огребёшь кучу проблем на ровном месте.

Всю ночь я провёл как на иголках. Под утро вернулся один из Чистых ветров, оставленный приглядывать за беглянкой. Вести были неутешительными: Су Юэюэ даже не шелохнулась, упорно отказываясь покинуть место своей гибели. Делать было нечего — оставалось только ждать, как разрешится ситуация у босса Хао.

На душе было скверно и тоскливо от собственного бессилия. Срывать злобу на домашних духах-хранителях я, разумеется, не стал, поэтому решил заглушить внутреннюю тревогу проверенным способом — взял в руки кисть.

Я принялся набрасывать её портрет — запечатлеть тот памятный вечер, когда она впервые вышла на сцену нашего бара. С тех пор как мои духовные силы окрепли, я обрёл удивительную способность: любое увиденное событие по первому желанию всплывало перед моим мысленным взором с кинематографической точностью, до мельчайших деталей.

В глубине души я просто хотел сохранить память о ней. Одарённая певица, искренний и светлый человек, она была одной из немногих в баре, с кем я мог без утайки поговорить по душам.

Работа над холстом затянулась на целую неделю. И в тот самый момент, когда я наносил последние, завершающие штрихи на портрет, из бара пришли вести. Увы, безрадостные.

Босс Хао окончательно опустил руки и выставил заведение на продажу.

Стало ясно: решить загадку неупокоенной души Су Юэюэ так никто и не сумел.

<http://bllate.org/book/20253/2167128>